

Владимир СУДАКОВ

«МЫ ВЕРНЕМСЯ – ТАК ОНО И БУДЕТ...»?

Место Владимира Федоровича Морозова (7.07.1932 – 11.02.1959) в «нашереспубликанской», да и, кажется, и вообще в русской советской поэзии пятидесятих годов прошлого столетия – непререкаемо высокое. Достаточно просто посмотреть, что же (я о темах и качестве исполнения) писали и печатали тогда его современники, которых чуть позже назовут объединительно «шестидесятниками», и сравнить... Сравнение, на мой взгляд, будет в пользу «нашего» Морозова: у него все – и первее, и честнее, и талантливо-пронзительнее. Насколько я могу судить, пределах всего тогдашнего Советского Союза. А оценивая уже в узко-местных рамках, могу сказать и так: «Из всех когда-либо писавших по-русски поэтов Олонецкой губернии-Карельской АССР-Республики Карелия он – наилучший». Перебирая же воспоминания о нем, как о человеке – и когда он был еще мальчишкой в петрозаводском дворе, и когда стал поэтом – не встретишь ни единого отрицательного, даже в малой степени, чего трудно сказать об иных. И о нас в том числе. За такое его место и гордо, но и горько, так как приходится всегда помнить его быстрый и трагический уход. Если б не тот день, сколько он еще написал и доброго сделал!.. Но...

И последнее. Этот поэт Божией милостью, подчеркиваю, и родился среди нас, и жил-творил в основном здесь, на северной земле (в том числе о наших земляках), исключая лишь годы эвакуации во время войны да литинститутско-московские годы, ибо и армейскую службу проходил – в нашем же Заполярье. И, в конце концов, он ни в какие столицы-страны не уехал со своей родины, а навсегда остался вместе с нами, в нашей земле (насколько мне известно, из всех наших литераторов единственно к его могиле ведет указатель!)¹, мы же ему до сих пор – ни основательной избранно-итоговой книги с выверенными (освобожденными от правки редакторов и цензоров) текстами стихов, с фотографиями, критикой и воспоминаниями о нем,

¹ Как рассказал мне недавно председатель правления республиканского отделения Фонда мира Ю.П. Власов, он, будучи в тот момент начальником Архивного управления Совета министров Карельской АССР, после долгих личных поисков в 1988 или 1989 году могилы В.Ф.Морозова обратился в Министерство коммунального хозяйства республики с предложением изготовить и установить, как это сделали у себя ленинградцы, на нашем сулажгорском некрополе – или схему захоронений с указанием могил выдающихся деятелей КФССР-КАССР, или разместить на здешних участках кладбища соответствующие указатели, но...

ни памятной доски, ни литературной премии его имени. Есть вручаемые уже достаточно долго нашим литературно одаренным студентам и аспирантам высших учебных заведений стипендии Главы РК – имени известного карельского поэта, здешнего уроженца Яакко Ругоева (для пишущих на национальных языках), и... московского поэта Роберта Рождественского (...на русском). А «морозовского» – ничего...

БИОГРАФИЯ, СУДЬБА, КНИГИ

Сухо о его биографии. Родился в Петрозаводске. Во время Великой Отечественной вместе с мамой Софьей Павловной и сестрой Татьяной находился в эвакуации – крохотный городок Кохма Ивановской области, а его отец, Федор Яковлевич – на фронте. Возвращение, школа, драматический кружок Дворца пионеров, первые стихи. По окончании школы – творческий конкурс в Литературный институт, поступление и учеба там.

Первая же его публикация – в 1949 году, на страницах комсомольской газете нашей республики «Молодой большевик», когда автор учился в девятом классе «девятой» средней школы, а уже с 1950 года – и в «Комсомольской правде», и в журналах «На рубеже» (теперь «Север») и «Смена», и в коллективных сборниках-альманахах «День поэта» и «Рассвет»... Перу «красивого двадцатидвухлетнего» (написал же ее он, понятно, еще раньше) принадлежит поэма «Анастасия Фомина», многие строки из которой многие помнят и сейчас, не перечитывая.

Переход на заочное обучение после третьего курса, призыв на службу в армию (1955). Заполярье, и опять отличные стихи: «Дочь лесничего» «Раздумье о часовом», «О покое»... Выход в 1957 году одновременно двух сборников: «Стихи о настоящем» в Петрозаводске и «Стихи» – в Москве. Такой дубль тогда было крайней редкостью, а точнее – истинным признанием истинных заслуг и в родной провинции, и в столице тогда еще «самой читающей в мире» страны. А еще и переводы (специалисты утверждают, что отличные) из финна Тайсто Сумманена, татарина Мусы Джалиля, румына Иона Сафира. И новые поэмы – «Мальчишки», «Долина смерти» (осталась в отрывке), «Венера и Бригитта», «Про человека Ивана Головина» (главы из неоконченной даже целой повести в стихах), «Мамай», знаменитой «Собаки». Вообще Морозову, хотя он, вроде, был чистым лириком, удавались и обширные эпические полотна. Начали удаваться. Недаром он, по некоторым свидетельствам, собирался плотно засесть и за прозу. И уже сделал набросок первой повести, первоначальное название которой – «Суйстамо» (имя крупной ж.д. станции и поселка в Северном Приладожье, где долгие годы действовали «летне-детские» пионерские лагеря.

«Владимир Морозов был безоглядно горячий, наивный, искренний, страстный человек и поэт...» (критик И. Гин); «С ясной, открытой улыбкой, с отзывчивой и любящей душой прошел

он по жизни, щедро одаряя друзей и читателей дружбой, смелыми мыслями, глубокими чувствами, переплавленными в стихи» (поэт и редактор А. Титов); «Морозов... Поэт, может быть, острее многих чувствовал... перемены и отразил их в своем творчестве... он сразу обратил на себя внимание талантливостью, чувством меры, но в чем-то существенном он оказался непонятен...» (критик А. Хайлов); «По сути, он был одним из тех, кто в 1954-56 годах сформулировал поэтическую идеологию оттепели» (критик и публицист В. Бондаренко); «...Память друга. А мы действительно были друзьями. Два с половиной года. Учились в одном институте. Жили в одной комнате... Вместе выступали. Вместе приезжали в Петрозаводск к родителям... Когда читал Морозов, толпа была самой большой... Я уверен, что стихам Владимира Морозова уготована долгая жизнь» (Р. Рождественский); «Есть в русской поэзии Карелии имя, которое в пятидесятые годы звучало как самое популярное... Владимир Морозов. В середине пятидесятых годов Публичная (ныне Национальная) библиотека вывешивала в вестибюле список читаемости произведений писателей республики. Морозов был самым читаемым поэтом... Многие в стихах Морозова сегодня воспринимаются как юношеский максимализм... Наверно, не все в поэзии В. Морозова выдержало проверку временем. Но большинство его стихотворений звучит и сегодня искренне и естественно» (поэт и переводчик О. Мишин); «Наиболее полно начало перемен передает поэзия Владимира Морозова... Он существенно раздвинул диапазон русской лирики Карелии... В. Морозов принадлежал к числу немногих поэтов, которые возвращали лирике и лирической поэме ее подлинный статус. Он одним из первых русских поэтов Карелии попытался разобраться в сложности человеческих чувств, гамме сокровенных душевных движений... Для поэзии В. Морозова характерен точно угаданный баланс между изображением правды жизни и моделью благородного героя» (критик Е.И. Маркова).

У Морозова есть «Поэма без конца». Так и его поэтическая жизнь осталась – без конца. Поэт успел подготовить к изданию свою третью книгу «Рука друга». Его приняли в Союз писателей и, «когда он работал над тремя новыми поэмами и над повестью» (А. Титов), молодой поэт... Всего-то в двадцать шесть лет. Меньше, чем даже у М.Ю. Лермонтова.

Первый «местный» морозовский сборник «Стихи о настоящем» печатался в сортавальской книжной типографии (1957, редактор А.И. Титов, 3000 экз.).

Почти 300-страничная книга стихов и поэм «Откровение» (1965, составитель А.И. Титов, предисловие Р. Рождественского) вышла и тогда небывалым для местных авторов тиражом в 8 000 экземпляров и ценой в 54 копейки (напоминаю, что после смены денег в 1961 году наш школьный пирожок с повидло и проезд на автобусе и метро стоили тогда 5 копеек), а на следующий год – уже тоненькая, всего-то «Анастасия...» и «Мальчишки», 40-страничная книжка «Поэмы» – уже на 2 тысячи больше «экз.» (8 копеек).

В Советском Союзе, конкретно вы до середины 1960-х, то есть еще до «шестидесятнического» книжного бума, его книги выходили тиражами от 3 тысяч до 10 тысяч экземпляров. После смерти Владимира Морозова его стихи и поэмы переиздавались, причем немалыми тиражами, шесть раз и ни одной книжки на полках магазинов не залежалось. Конкретно в 1997 году, накануне юбилея поэта, в Петрозаводске сумели издать его избранное «Верность» (составитель В.М. Данилов) – уже только в одну тысячу «экз.», рассыпающихся из-за дешевой склейки. Правда, сейчас книги выходят и по 100, и по 50 штук...

Да, у Владимира Морозова есть и стихотворение с названием «Партии». Понятно, какой, поскольку тогда в СССР была одна-единственная партия. Но вчитайтесь хотя бы в первые его строчки: «К чему бы нужен был тебе такой я – бездумно, слепо верящий тебе!» Многие его товарищи-«шестидесятники» потом показали, как можно быстро и смело переходить из партии в партию, даже в стихах публично отказываясь от государственного, идеологического и своего личного прошлого. А, отвлекаясь, морозовский принцип (не быть слепо верящим!), кажется, не помешали бы многим современным активистам всех множественных партий, ибо он – не идеологический, но человеческий.

Он – не дожил до этих наших времен. И остался – там. Со своей и общей правдой. Со стихами, в которых по-человечески честно и, главное, талантливо и умно, отразилась та эпоха. То время перелома эпох. Потому что в его строках были не голая политика с призывами, заклинаниями и лозунгами-проклятиями, а жизненные ситуации, психология (причем и детская, и взрослая) и живое понимание-сочувствие. То есть – ли-те-ра-ту-ра. И до сих пор все его стихи – живы! Несмотря на смену политического строя в стране, на страшный слом огромного и великого государства. Все, несмотря порой на некоторые претензии профессионалов к исполнению, тогда как у многих его сотоварищей по литинституту... В общем, и «Братская ГЭС», и «Лонжюмо», не говоря уж о «комиссарах в пыльных шлемах», остались в прошлом, и в первую очередь, кажется, для самих их авторов, а у В. Морозова – все живо. Пусть порой и наивно-простовато, но – осталось!

Да, он поэт того времени. А какого же еще? Или сейчас оно лучше: честнее, человечнее, литературнее? И мы-то в свои двадцать-шестьдесят лет сумели ли отразить его в незаемном и точном слове да так, чтобы после нас по нашим строкам его, это время, нет, не приняли, но – разглядели, узнали и поняли?

У него, Владимира Федоровича, все получилось. И, наверно, именно потому лично меня сейчас ни одна его строчка, даже «политическая», не коробит, не вызывает чувства душевного протеста, чем, опять же повторюсь, не могут похвастаться очень и очень многие его друзья-товарищи по литинституту. Их имена читатель знает сам.

«МОРОЗОВ – БУНТАРЬ ПО НАТУРЕ...»

Бывшая петрозаводская соседка Морозовых по улице Красной Татьяна Базулева, вспоминая сейчас детско-предвоенные годы, высоко оценивает тогдашнее поведение дружившего с ней «Володи (Вовы, Вовки)»: «Наше общение было ровным и постоянным и дома, и во дворе, куда мы выходили, взявшись за руки. И тогда никто не смел посмеяться над ним или обзывать, как это бывало с другими детьми, потому что ребята знали – Вовка ни себя, ни меня не даст в обиду, а обидчик может получить от него хорошего тумака. По натуре Вова был вспыльчивый, импульсивный, но быстро отходил». Но не только мальчишеская смелость отличала этого, тогда второклассника: «Его обаяние <> действовало на всех обезоруживающе, все ему улыбались» [1,154].

«На литобъединении, которым руководил Владимир Морозов, он редко читал свои стихи. Там... обсуждали стихи и прозу начинающих авторов... Больше вспоминаются не сами занятия литературного объединения... а то время, поздние вечера, когда мы расходились и, по студенчески никуда не торопясь, говорили сразу обо всем на свете. Так мы бродили по городу и приближались к улице Анохина, где было наше университетское общежитие и где жил Морозов – вот тогда он читал часто нам стихи почти неизвестных нам Дмитрия Кедрина и Ярослава Смелякова... Тогда же он прочитал кое что из своего недавно написанного «Глухаря» и отрывки из поэмы «Венера и Бригитта»... С улицы Анохина хорошо видны в глубине, во дворах, старые деревянные дома. В одном из них жил он с родителями. А где же раньше был Дом пионеров? Там в драматическом кружке, которым руководила Ония Ивановна Лапина, будущий поэт, наверно, впервые столкнулся с искусством...» [10,92-94]; [9,14].

«В конце зала фойе расположился в одиноком кресле <...> известный лирик Владимир Соколо <...> Наконец поэт Соколов произнес: «Славные ребята выли из вашего города – поэты, умницы. Володе Морозову было бы сейчас пятьдесят с небольшим... Кумир литературных коридоров! Лицо приятное, мечтательное, кудри – какая внешность! Когда, румянец во всю щеку, читал о своем герое: «...во мне живет туберкулез, я слышу: больше не жилец, конец неначатого дня...» – слушатели невольно улыбались, столько в нем было жизни и здоровья. Природа часто наделяет поэтов хорошей внешностью. Есть она, внешне-внутренняя гармония, Не совсем прав Заболоцкий насчет красоты, не совсем» [7,90-91].

«Читал он очень здорово – свободно, легко, раскатисто. Мы это понимали и всегда во время поэтических вечеров оставляли его последним, «на закуску»... Владимир Морозов не был паинькой... Строгие учителя вряд ли бы поставили ему пятерку по поведению... Но любой самый строгий учитель поставил бы ему безусловную пятерку по жадности к жизни, по

глубокой советскости его сердца, его стихов. И еще потому, как умел Владимир Морозов любить и ненавидеть» [18,221-222].

Горестно отмечая сорокалетие гибели «поэта очень большого дарования, юношеской прямоты и отваги», кандидат филологических наук Юрий Николаевич Башнин, тоже из предвоенного поколения, писал, успел оставить для нас свои слова о нем, на страницах современной республиканской «молодежки», в которой (помните?) и начиналась поэтическая жизнь-судьба избранника времени: «Морозов – бунтарь по натуре – был неугоден высшему начальству, чиновникам от пера. Сколько помню, его всегда поучали и «поправляли»... На одном из совещаний секретарь ЦК компартии республики (для тех, кто не знает или забыл: тогда еще существовала шестнадцатая союзная республика по имени Карело-Финская. – В.С.) Л. Лубенников не менее получаса втолковывал поэту, как надо «в наше героическое время» освещать тему патриотизма». Но и... Никогда не забуду, с какой нежностью и неподдельным восторгом смотрел на Морозова, выступающего перед учениками 71-й железнодорожной школы, его ближайший друг и сподвижник Тайсто Сумманен. Красивый... мужественный, с четкой дикцией и выверенными жестами, Владимир Морозов выглядел на сцене как настоящий артист, и аплодисментам в залах обычно не было конца.

Кафедра литературы в Карельском педагогическом институте поручила мне и моему коллеге И.П. Кохно руководство литературным объединением... Морозов с членами нашего Лито говорил как равный с равными. Дискутировал, если было нужно, отстаивал свою точку зрения... Полемицировал и со мной – страстно, горячо, без обиняков и недомолвок... Дружеское общение наше с Морозовым продолжалось... вплоть до кончины поэта. Чаще всего он бывал в преподавательском домике на улице Чапаева... Морозов был превосходным рассказчиком, мастерски имитировал голоса А. Суркова, Р.Рождественского, своих друзей Т. Сумманена и Вс. Иванова, а также нас, грешных... Широкая известность, любовь читателей не вскружили голову поэту: в обхождении со знакомыми он был прост и деликатен. Но и цену себе знал...»

«Да позволено будет мне, хотя я и обещал когда-то Владимиру Морозову не писать стихов, – честно признается сейчас автор этих воспоминаний, – предложить давнее стихотворение, посвященное его памяти». И в «молодежке» оно было напечатано полностью, я же приведу лишь несколько разрозненных, но, мне кажется, наиболее важных строк из него: «Кареглазый, мечтательный, сходу Крепко жал ты мою пятерню... Тебя ждали известность и слава. Вот сейчас ты, готовясь в бои, Нам с картавинкой скажешь лукаво: «До свидания, други мои!»».

Юрий Николаевич рассказал и о том, как у нас встретили известие о смерти поэта: «Слухи о трагедии... сразу взбудоражили все вузовское студенчество Петрозаводска. Из рук в руки

передавались листки с пророческими стихами умершего (? – В.С.), строились различные догадки и предположения. А пресса молчала. Ни одного некролога не появилось в местной печати» [2,20]. А в своем предисловии «Любовь, проверенная разлукой» к морозовскому сборнику «Верность» поэт Александр Валентик, тоже из «морозовского» поколения (1936 г.р.), особо и, кажется, первым среди исследователей его творчества подчеркивал: «Сказать откровенно, трудно представить себе его шестидесятником. Настолько кипела, бурлила в нем необузданная, шальная молодость... Искренность была его единственным оружием и защитой. <...> Искренность, которая и в жизни, и в поэзии делала его непоколебимым и неподкупным. И вместе с тем <...> он был беззащитен и очень раним. То, что в душах его однокашников-поэтов оставляло лишь легкую царапину, для него становилось долго не заживающей раной. Редко встретишь поэта, жизнь которого и стихи до такой степени совпадали бы» [5,7-8].

«Владимир Морозов... был, пожалуй, самым юным, но к нему прислушивались в литинституте и заматерелые окопники, и сверстники, и даже его педагоги. Хотя позже не постеснялись любимца своего исключить с третьего курса очного отделения «за недостойное поведение»...» [3,89].

«Вся логика его искренней, честной природы неумолимо вела его к конфликту... Конфликту, от которого он не смог бы уклониться, как это сделали многие из его однокашников по Литературному институту, которые с аптекарской точностью лавировали между «лево» и «право»... Умело дозировали они свою «оппозиционность» системе, оставаясь поэтами и печатаемыми, и выездным. <...> Владимир Морозов, безусловно, стоял на пороге открытия для себя горькой правды своего времени – времени великих подвигов и великих трагедий» [5,9]. И пять лет тому...

«Сразу два вечера, посвященных 75-летию рано ушедшего из жизни и не оцененного по достоинству при ней петрозаводского поэта Владимира Морозова, прошли в Национальной библиотеке РК. Первую встречу вел поэт Марат Тарасов. Марату Васильевичу довелось вместе с В. Морозовым учиться в Литературном институте... Вместе с ними студентами... в ту пору были и... Расул Гамзатов и Егор Исаев, Владимир Солоухин и Константин Ваншенкин, Роберт Рождественский и Евгений Евтушенко. Самым же ярким из них был Владимир Морозов... Добрые, теплые отношения сохранились (между ними. – В.С.)... и в последующие годы... Так что было о чем вспомнить Марату Васильевичу... «...У нас... была дружба личностная, душевная...»

Вспоминали о поэте и другие участники встречи. Конечно же, больше всех... поведала его сестра Татьяна Федоровна, живущая в подмосковной Балашихе и специально приехавшая на

этот вечер. На вечере прозвучало предложение установить на доме, где жил В. Морозов ², мемориальную доску, а также издать подарочный вариант сборника лучших стихов поэта, включив в него воспоминания тех, кто знал Владимира Морозова.

Второй вечер памяти состоялся... 14 июля» [19,6].

И вот на этом втором... «Собрались одноклассники, журналисты, работавшие с В. Морозовым в газете «Молодой большевик», друзья и те, кого до сих пор продолжать своей проникновенностью стихи... одного из талантливейших русских поэтов пятидесятых годов... С воспоминаниями о его жизни и творчестве выступили писатели М. Сысойков, И. Костин, А. Валентик», – писал поэт и собиратель долго не издававшихся стихов В. Морозова, а также нашедший истинные, авторские варианты многих его строк, когда-то искаженных при подготовке к публикации Анатолий Грачев [11,151].

Попутно: повтор данного заголовка (цитата из самого Морозова) – и редакторская недоработка издателей, но и свидетельство «крылатости» этих слов: у всех они на устах!

Почему же прошло два вечера, а не один, общий, наверно, можно догадаться. Главное же тут: почему до сих пор многие из тех, кто хорошо помнит поэта, не написали о нем воспоминаний? Ведь мы не вечны, и память о нем может уйти от глаз живущих вслед за нами! Вот Тайсто Сумманен и Рейо Такала с Николаем Федоровым уже не напишут. Пример из одного из устных рассказов И. Костина о том, как однажды по приезде в Москву он столкнулся на вокзале с человеком, и тот, узнав, что гость из Петрозаводска, спросил: «Как там живет поэт Морозов?» И очень загрустил при известии о давней смерти того. Но это мой пересказ костинского, а где его личный, порой с драгоценными деталями, которые при передаче посторонним – пропадают? И Александр Валентик, окончивший школу в 1954 году, когда в журнале «На рубеже» была впервые напечатана, пожалуй, по сей день самая читаемая морозовская поэма-повесть «Анастасия Фомина», вспоминал, как Морозов, получив за что-то гонорар, накупил на него тогда элитного и, соответственно, дорогущего одеколona «Красная Москва, шел по проспекту Ленина вниз и, заходя в магазины, дарил его девушкам-продавщицам. Такой был человек, такие гонорары! Но где текст собственно свидетеля события? Вот и О. Мишин недавно согласился с необходимостью написать-таки свое о поэте, а и у него есть многое о Морозове. Расспросить в возможных подробностях и сестру его, и иных людей, знавших Владимира Федоровича, но не склонных к писательству людей.

² *Адрес? Жив ли теперь, спустя пять лет, тот дом: на той же ул. Красной вон сколько довоенных домов снесли в последнее время. – В.С.)*

Еще. Наверно, надо собрать в Национальном архиве РК рукописи поэта, чтоб исследователи могли обратиться к первоисточникам. Где они, морозовские бумаги? В Балашихе?

«ЛЮДИ ШЛИ К НЕМУ...»

О Владимире Морозове и, в частности, о его трагическом уходе многие, не только «республиканские», поэты написали стихи. Кстати, так же много, как Морозову, посвящений, кажется, только лишь – Виктору Сергину.

Михаил Сысойков, поэт-участник Великой Отечественной, в стихотворении «Костер»:

Он сгорел, как на ветру костер,

Разгорался все светлей и жарче,

И угас <...>

Столько было света и тепла

В молодом, веселом, непокорном!

Люди шли к нему – и он щедрей

Полыхал... [23,133-134].

Русский поэт финского происхождения Роберт Винонен, который в итоге стал завкафедрой художественного перевода в Литературном институте, а теперь проживает то в финляндской столице (чаще всего), то в российской (пореже), говоря о Морозове, в тот момент руководителе их петрозаводского литобъединения при молодежно-комсомольской республиканской газете, выделяет «его прекрасный внешний, как бы «есенинский» облик да еще как выразительно он прочитал однажды «Зодчих» Дмитрия Кедрина» [22,209].

Поэт-ингерманландец Олег (Мишин (Армас Хийри), чьи стихи опять же в пятьдесят четвертом появились на страницах того же нашего журнала, в «событийной» поэме «Поэты», будучи в середине 1950-х студентом Пудожского педагогического училища, не по-фински эмоционально радовался своему открытию такого таланта: «Тихий Пудож... «Анастасия Фомина» – я поэму читал... Это имя... было звонким, как лед на реке», а затем и о здешней, «в городке нашем провинциальном», встрече с ним, когда поэт «стихи мои плюсом отметил, чуть картавя, строку прочитал». А позднее, перебравшись в Петрозаводск, уже и «знался» с ним: «Молодой, но уже именитый, молодыми поэтами он был всегда, словно верною свитой... окружен».

О. Мишин тогда же однажды прошелся с В. Морозовым по городу: «Помню снежного вечера сумрак. Мы проходим «по Ленина» (проспекту в Петрозаводске. – В.С.) вверх. Пес – за нами. В глазах его умных – Грусть такая!!!», и помнит, как именитый поэт «печально и

страшно» (и промыслительно-откровенно?) сказал поэту юному: «Мы не встретимся больше, старик!» Недавний пудожанин не спросил тогда его, почему, надеясь на последующие встречи с ним, но... Но Морозов, уехав в Литературный институт, «Из Москвы возвратился в гробу». Олег Мишин сохранил для нас в той своей, как он обозначил ее жанр, «поэме-воспоминании», сейчас значимые детали тех трагических дней: «Провожали его без оркестра (Не положен – для самоубийц!)... Даже стихла февральская вьюга, снег повсюду, как саван, лежал. Над могилою русского друга Тайсто Сумманен слово держал». При этом Тайсто сказал и слова, легшие в строки мишинской поэмы, в прощальную речь Сумманена, который, как сегодня Армас Иосифович подтверждает слова Ю. Башнина, был близким другом Владимира: «Самых лучших, талантливых самых Смерть уносит, неправая смерть!» [15,117]. Читая стихи того и другого, нервные (в хорошем смысле слова), порывистые, с жаждой высокой и немедленной правды-честности, соглашаешься, что эти люди были душевно родственны.

Почему же случилось то, что случилось? Опускаю жестокие подробности самоубийства, в конце 1970-х рассказанные нам, участникам «того же морозовского» городского литобъединения, нашим тогдашним руководителем-поэтом Валентином Устиновым, сейчас москвичом. В чем причина? Все, вроде, шло как нельзя лучше: поступление в литинститут, выход в пятьдесят седьмом и в Москве и Петрозаводске, причем практически одновременно (редкий тогда для всех случай!) поэтических сборников, написание романтическо-историческо-«иностранный» поэмы «Венера и Бригитта» и «производственно-местной», после поездки на стройку Западно-Карельской железной дороги, «Про человека Ивана Головина», подготовка к изданию им самим третьей книги («Рука друга»), заслуженное принятие в Союз писателей СССР и... И...

Непонимание его творчества старшим поколением поэтов? Но, по словам руководителя «морозовского» семинара в институте куда как тогда маститого и авторитетного Сергея Смирнова, молодой петрозаводчанин радовал «искренностью и человечностью своих поэтических находок». А также: «Его до самой смерти преследовала и жизненная, и поэтическая удача. О его удачливости еще при жизни говорили многие, кто с восторгом, кто с завистью, а кто и с неприкрытой ненавистью... Армейский цикл стихов 1956 году... был замечен даже суровыми московскими критиками и принят на «ура». Волна рецензий в газетах и журналах» [3,92]. Непонимание или зависть товарищей по перу? Но: «Когда читал Морозов, толпа была самой большой. Это я помню», – повторю слова Роберта Рождественского, с кем вместе они не только учились, но даже обитали в одной общаговской комнате («Живем мы... в писательском городке Переделкино... Мы живем на даче покойного Тренева. Это двухэтажный... дом с роялем, водопроводом и прочими удобствами. До Москвы от нас 30 мин.

езды на электричке». Из письма В.Морозова Т. Базулевой с датой «21.VIII.50 г.» – В.С.) о том, как они между лекциями делились друг с другом свеженаписанными стихами.

И еще: «...другой талантливый человек, его друг-сокурсник по Литературному институту, ныне лауреат Ленинской премии Егор Исаев... тогда же написал: «Люблю тебя, Кудрявый соловей, За звонкий стих твой Без кудрей» – это тогдашний главный редактор журнала «На рубеже» Всеволод Михайлович Иванов через годы напоминал нам «столично-поэтическом» признании Морозова [13,139]. И Анатолий Грачев, который, готовясь к написанию дипломной работы по творчеству поэта, встречался с матерью поэта Софьей Павловной, для чего ездил к ней в Подмоскowie, где среди прочего выверял по рукописям истинно авторские варианты стихов дает еще одно дополнение «в тему», как говорит теперь молодежь: «В годы учебы в литинституте его связывала творческая дружба с Владимиром Соколовым – мастером традиционного русского стиха, всегда обращенного к внутреннему миру человека» [11,151]. Ну, творчество этого поэта, позднее ставшего общепризнанным – по всему Советскому Союзу! – классиком, ценилось столь высоко, что... Вот и Иван Костин недавно, когда мы случайно встретились, рассказал еще и о том, как в очередной свой приезд в Москву он, конечно же, встретился с Морозовым и тот позвал его в гости... к Михаилу Светлову: «Миша приглашает нас...» Иван Алексеевич тогда постеснялся. Сколько же таких дружб-контактов было у Морозова на самом деле!

Или это причиной: «В 1959 году в московском книжном издательстве обсуждалась очередная книга В. Морозова. По словам Ф. Бухмана (Феликс, с кем Владимир служил вместе в армии, а потом и посвятил ему стихотворение «Полынья». – В.С.) и жены поэта Эллы Сергеевны, В. Морозов был очень недоволен этим обсуждением, многие стихи не прошли, их не приняли или просто не хотели принять. Наполовину «урезанная» книга стихов «Рука друга», будь она издана в полном объеме, по-новому раскрыла бы его талант, накрепко утвердила бы имя В. Морозова в русской поэзии. В этот же день в подмосковном городе Мыткарينو и произошла трагедия, оборвавшая жизнь поэта» [11,152]. Но если М. Сысойков был почти однозначно уверен в главной причине смерти: «А иные... ползая в пыли, помогали ветру-лиходею, Раздували, как только могли, Лили спирт, чтоб он сгорел скорее, Чтобы светом он не затмевал Их стихов лампадное мерцанье...» То Е. Николаева – не совсем: «И что пил он не так уж и много, Да не смог увернуться от бед...»

Любопытный факт в этом смысле приводит уже упомянутый В.М. Иванов: «Одно время вокруг него (В. Морозова. – В.С.) вертелся, выдавая себя за друга, молодой поэт, его сверстник, фамилию которого называть не хочется. Оба готовили свои сборники... Как сейчас помню, в большой комнате Союза писателей Карелии, который тогда находился на площади Ленина, на заседание поэтической секции пришли прозаики, критики, работники аппарата – едва ли не все

«население» старинного дома. Ждали лишь виновника торжества. А в том, что должно произойти именно торжество, сомнения ни у кого не возникало. Рукопись Владимира Морозова прочитали все, и мнение было на редкость единодушным: сборник надо издать, и чем скорее, тем лучше.

Ждали полчаса, час... И – не дождалось. Оскорбленные «мэтры» разошлись, меча грома и молнии по адресу «зазнавшегося мальчишки», который так наплевательски к ним отнесся. И сказали мстительные «мэтры»: теперь ты за нами набегаешься... А «зазнавшийся мальчишка» в это время был совсем рядом – в столовой на первом этаже того же здания, где отмечал... рождение своего первого детища, сборника, вместе со своим «другом», который его туда и затащил, чтобы «хватить» для храбрости. Хватили... Примерно через месяц обсуждалась первая книга этого «друга», которая, естественно, и вышла в свет раньше, чем морозовская» [13,140].

Насколько я знаю, подобного же рода, но стихи об этом неназванном человеке есть и у Тайсто Сумманена. Естественно, на финском языке. На русский не переведены.

А поэтесса Елена Николаева, как бы отвечая на строки московского гостя Е. Евтушенко:

Мне на кладбище в Петрозаводске

Где Володя – никто не сказал.

Думал, может, он сам отзовется.

Ну а он промолчал. Наказал,

в своем стихотворении, названном адресно «И снова о Морозове» была еще более откровенна:

«Он бы вам отозвался, Евгений

<> Но за вами подобием тени

Шел его очернитель-собрат, –

Нынче другом себя окрестивший,

Сплетник, циник, злослов, интриган,

И со смертью ему не простивший

Его звонкий и светлый талант.

Сделав скорбную мину и позу,

Изрекая заведомо ложь,

Знает он, что не сгинул Морозов,

Что читает его молодежь!

И какая в этом далеко нелирическом стихотворении светлая концовка: «А со снимков смеется Морозов – молод ликом, строкой и душой!» [16,24].

Хоронили же поэта из небольшого домика (судмедэкспертиза?), стоящего на ул. Гоголя практически напротив бывшего Дома культуры ОТЗ (сейчас там не знаю что) и, по словам

О. Мишина, на проводы пришло, повторяю, несмотря на отсутствие некрологов в газетах, очень много людей, в том числе и писателей. Машина с гробом медленно, чтобы успевали за ней идти люди, как тогда было принято, проследовала по ул. Гоголя вверх и далее, свернув на ул. Антикайнена, прощально проследовала в сторону кладбища через весь город.

А после похорон... Стихи его «часто звучали по радио, но о самом поэте почти ни слова... Стихи отделили от его судьбы» [3,91].

ТАК БУДЕТ ИЛИ?..

«Мы вернемся – так оно и будет...» – начинается одно из стихотворений Владимира Морозова. Если говорить о его творческой судьбе, действительно «так оно и будет»?

А если о нашей памяти? К чему я? Еще в 1993 году публично была сформулирована идея о достойном увековечении памяти Владимира Морозова. После одной из телепередач, где критик И.М. Гин рассказывал о поэте, одна из петрозаводчанок сказала ему: «Как это так – в Петрозаводске нет ни одного места, улицы, которые носили бы имя Владимира Морозова?..» [9,14]

Но тогда этот вопрос так и остался без ответа. Три года назад в республиканской прессе опять был поднят вопрос о достойном увековечении памяти Владимира Морозова [21,19], а в начале декабря того же года, как прежде формулировали, литературная, и не только, общественность РК – поэты, критики (в т.ч. и вепсы, и карелы, и финны; причем, из тогда обоих нашереспубликанских писательских союзов), несколько докторов и кандидатов наук, представители библиотекарей и учителей, заслуженные работники РК обратились с письмом к тогдашнему Главе РК С.Л. Катанандову и Главе Петрозаводского городского округа Н.И. Левину с соответствующим коллективным письмом: «...Поэт был необычайно популярен как в молодежной среде, так и среди ветеранов войны... Известность, поэтический авторитет В.Ф. Морозова не угасли и в наше, далеко не поэтическое, время... Вызывает недоумение и сожаление, что память о самом известном и любимом поэте в его родном Петрозаводске не увековечена – никак...» и т.д. Заодно властям были предложены уже прозвучавшие ранее, а также новые варианты «памятных» поступков: «Это могло бы быть, в первую очередь, издание его избранного (последняя морозовская книга вышла в 1997 году. – В.С.) вместе с фотографиями поэта и воспоминаниями о нем, а также или мемориальная доска (памятный знак) на доме, где он жил, либо на здании школы, где он учился, или улица его имени, или библиотека его имени. Кроме того, резонно было бы учредить для поэтов нашей республики литературную премию имени Владимира Морозова».

И 18 января года следующего в ответе из администрации Петрозаводского городского округа значилось, что подобные решения принимаются после «рассмотрения Комиссии по культурно-историческому наследию», для чего необходимо было представить – «историческую или историко-библиографическую справку; копии архивных документов о трудовой и общественной деятельности увековечиваемого лица; письменное обязательство ходатайствующей организации (или другого источника) о финансировании работ по проектированию, изготовлению, установке (в случае рассмотрения предложения об установке мемориальной доски или другого памятного знака). Кроме того, необходимо представить письменное подтверждение согласия собственника или иного владельца здания на установку на внешней стороне здания мемориальной доски или другого памятного знака». И непонятно, кто должен был все это сделать – писатели, библиотекари и ученые? А в середине февраля пришел ответ и из Министерства культуры и по связям с общественностью РК: «По поручению администрации Главы Республики Карелия... Правление КРОО Союза писателей России совместно с ГУ «Детско-юношеская библиотека РК» приняли предварительное решение о целесообразности присвоения имени В.Ф. Морозова этой библиотеке, увековечив его память мемориальной доской. Министерство... поддерживает это решение». Логично: в Петрозаводске уже есть библиотеки имени наших известных и уважаемых всеми прозаиков – Д.Я. Гусарова и В.М. Данилова, так что... Но интересно, в случае присвоения этих имен тоже были такие дополнительные просьбы насчет справок, копий и т.д.? Мне неизвестно.

В номере за 23.03.2010 на страницах заглавно-правительственной газеты «Карелия» сообщалось, что на заседании означенной комиссии «были рассмотрены вопросы установки мемориальной доски художнику Александру Харитонову и увековечения памяти поэта Владимира Морозова». И если в первом случае, извините, вопрос не вызывал вопросов (установка «харитоновской» доски планировалась «за счет средств, собранных художниками»), то во втором... Особо подчеркивалось, что он «будет решаться совместно с Министерством культуры...»

Вернемся чуть назад. «9 июня 2000 года состоялось торжественное открытие мемориальной доски на доме № 7 по проспекту Ленина, где жил поэт. К 70-летию Роберта Рождественского (в 2002 году) планируется присвоить его имя одной из улиц Петрозаводска», – писала почти одиннадцать лет назад первая лауреатка этой самой стипендии Анна Попова [17,11]

«Да, мы, студенты истфака тогдашнего Карело-Финского университета, гордились нашим Робертом: в Москву, в Литинститут он уехал с нашего факультета... Роберт никогда не фрондировал, не сводил с властью поэтические счеты, даже когда она от него отворачивалась. Он гордился своей страной, тем, что он – советский... Но последние его стихи... напечатаны в его посмертном сборнике в 1994 году... Горькое, недоброе время. Повержена его родная страна

– СССР. Повержены идеалы, в которые он верил безоглядно... Понимая, что умирает, он продолжал писать стихи, стараясь быть предельно честным...: «...Стихи прошли. А стыд за них остался». Кроме Рождественского, из сверстников-поэтов никто больше не решился на такие беспощадные к себе слова, хотя как раз ему-то можно было этого и не говорить. Потому что, в отличие от многих своих литературных коллег, он никогда не врал. Он верил», – вспоминал о нем в тот юбилейный день Александр Валентик [4,29]. И этот его газетный материал на целую полосу сопровождал фотоснимок с серьезными молодыми лицами четырех студентов литинститута, видимо, однокомнатников общежития, глядящих в объектив – М. Тарасова, Р. Рождественского, В. Гнеушева и выглядывавшего из-за спин двух последних В. Морозова. От себя добавлю, что Р.Рождественский все же поучаствовал в одном, очень щадяще говоря, жестоком «демократическом» деле, поставив свою подпись под соответствующим письмом, но позже все же засомневался, верно ли он это сделал, чему, помню, с видимым облегчением на душе радовался Д.Я. Гусаров. А Рождественский тогда не успел додумать свою мысль до конца: ушел из жизни.

Еще одна газетная цитата из «заглавно-правительственной»: «Карелия» уже писала об обращении председателя Союза писателей (одного из теперь уже целых четырех на невеликий наш городок. – В.С.) Марата Тарасова и депутата Владислава Грина к мэру Петрозаводска об увековечении памяти нашего земляка писателя Дмитрия Балашова. Прокомментировать развитие ситуации мы попросили депутата Владислава Грина, в округе которого находится дом, где жил писатель. «В настоящее время деньги на мемориальную доску писателю... уже выделены. Доску планируется установить на доме № 22 по ул. Гоголя. 4 октября я встречался с дочерью писателя, которая приехала из Санкт-Петербурга. Уже имеется эскизный проект мемориала. Но существует только одна проблема – выделенных денег недостаточно на его выполнение, а удешевление проекта памятной доски нежелательно. Но уже нашлись добрые люди, готовые помочь. Со слов дочери писателя, осталось собрать не очень крупную сумму. Она планирует обратиться к Сергею Леонидовичу Катананову с просьбой выделить недостающие средства из бюджета Республики Карелия. Я думаю, общими усилиями мемориал Дмитрию Балашову будет сделан и установлен...» От редакции. Средства на мемориальную доску... можно перечислить на расчетный счет администрации г.Петрозаводска №... в АКБ ОАО Банк «Онего», к/с №... БИК... ИНН...»

Эта небольшая заметка, сопровождаемая рисунком с портретом теперь, кажется, полузабытого классика-земляка и надписью «Здесь с 1978 года по 1980 год работал ³

³ *Мой товарищ Николай Кузнецов, в молодости фатальный читатель Балашова, рассказывал, как однажды, осмелев-обнаглел, они с приятелями, знакомцами писателя,*

выдающийся русский писатель-историк (как убеждены серьезные исследователи и писатели России, крупнейший из современных исторический прозаик СССР-РФ) Дмитрий Михайлович Балашов», относится... к 2001 году [12,19]. Хотя и давно зная, что ничего в этом направлении до сих пор так и не сбылось, но 23 марта с.г. (2012) я выбрался на названную «писательскую» улицу, обошел «избранный» дом со всех сторон, но никакой памятной доски не обнаружил. С надписью «Муниципальное казенное предприятие «Петрозаводская паспортная служба». Режим работы...» – есть, а вот с именем писателя-историка – нет таковой. А сколько лет прошло!.. Черная же доска художнику А. Харитонову («В этом доме работал мастер акварельной живописи... 1940-1993») висит на углу его «творческого» здания, ясно видная любому проходящему по проспекту Ленина. Быстро удалось договориться с жильцами?

Между тем за это время в университетском городке г.Петрозаводска (полный новострой на лесной окраине за Древлянкой) появилась «именная» улица – в честь какое-то время (один курс?) учившегося в нашем университете, а потом переведшегося в Литинститут того самого Р.И. Рождественского, который родился «в селе Косиха дождливым летом на Алтае», и практически всю жизнь был москвичом, в честь кого у нас и названа литературная стипендия. Не свидетель того события, как материально увековечивалось имя последнего, процитирую одну из наших газет: «В пятницу в университетском городке пошла торжественная церемония установки памятного знака в честь улицы Рождественского. На эту церемонию даже приехали две дочери поэта – художница Екатерина («Катя, Катышок, Катюха...» – В.С.) и журналистка Ксения («Вырастешь, Ксения, строки эти прочти...» – В.С.). Инициатором установки пятитонной каменной глыбы из габбро-диабаз с надписью «Эта улица носит имя выдающегося поэта современности, нашего земляка (! – В.С.) – Роберта Рождественского» стал известный карельский поэт Марат Тарасов, который...» [8,3]

Возвращаясь к нашей теме. После коллективного письма «за Морозова» прошло два с лишним года. Вот письмо из Министерства культуры РК, датированное 15 марта с.г. (2012), концовка из него: «Сообщаем, что бюджет Республики Карелия по отрасли «Культура» на 2012 год сформирован. В планах Министерства... на 2012 год – увековечение памяти видных деятелей культуры и искусства К. Раутио и С. Каликина, поэтому выделить дополнительные

свалились к нему в квартиру на втором или третьем этаже по «гоголевскому» крылу уже названного дома и потом они сидели, задавая писателю назревшие вопросы по истории России и по творчеству автора. А среди прочего Николай удивился, что хозяин занимался и резьбой по дереву: солонки, которыми тот одно время даже зарабатывал на хлеб, мебель в квартире – было делом его рук.

средства на изготовление и установку памятной доски поэту Владимиру Морозову в настоящее время не представляется возможным. В случае присвоения имени поэта Владимира Морозова Детско-юношеской библиотеке и внесения соответствующих изменений в уставные документы, возможна установка типовой вывески (что это такое? – В.С.) на здании у входа в учреждение, которая не нуждается в согласовании с Администрацией городского округа. И.О.министра...»

События последних дней. 9 апреля с.г. «Петрозаводский государственный университет посетила дочь знаменитого поэта-шестидесятника Роберта Рождественского ... Екатерина Рождественская. Она встретилась с... «Этот приезд связан со съемками фильма, посвященного 80-летию папы, – рассказала она. – Мы специально приехали в Петрозаводский университет, где... Папа очень часто вспоминал Петрозаводск... и считал, что частично он из столицы Карелии. А с 1996 года в ПетрГУ ежегодно проводится Кубок Роберта Рождественского по волейболу... Фильм выйдет на Первом канале к юбилею Р. Рождественского, который будет отмечаться 20 июня...»⁴

Ситуация: Роберту Рождественскому (временно забудем про Д.М.Балашова), хотя поэт-шестидесятник петрозаводчанином был «частично» – и имя стипендии, и памятная доска на доме, «где он проживал с 1951 по 1957 годы», и «именная» улица с памятным знаком-монументом⁵, теперь же и кино..., а в память Владимира Морозова... В апрельские дни в адрес Министерства культуры РК ушло-таки подписанное руководством Детско-юношеской библиотеки и КРОО «Союз писателей России» ходатайство о присвоении названной библиотеки (внизу проспекта Ленина) имени поэта. Успеют что-либо до юбилейного июля? Или опять ничего к круглой дате? А когда тогда?

Попутно. Отнимать имя Р. Рождественского от стипендии нашереспубликанским «литературно одаренным», чтобы «переназвать» ее в честь нашего поэта, очень мягко говоря, неудобно. И незачем нам их, когда-то друзей, ссорить посмертно. Так, может, литературной

⁴ «Съемочная бригада Первого канала вместе с дочерью поэта побывала в ПетрГУ... а также у монумента поэту в Университетском городке и на набережной, где снимались общие планы... Названия у документального фильма... еще нет. Екатерина Рождественская в нем выступит в роли ведущей. Она встречается с друзьями и коллегами отца, слушает их воспоминания. В петрозаводской части съемок принимал участие поэт Марат Тарасов» [20,20]

⁵ Да не обидятся и поймут родители Р. Рождественского: не он же сам называл своим именем то, другое и не они же просили об этом...

премии более высокого значения, а именно вручаемой уже состоявшимся поэтам-прозаикам-драматургам, дать имя «самого-самого» нашего русского поэта общероссийского масштаба, ведь и Роберт Иванович публично признавался в его «первости»: «Когда читал Морозов, толпа была самой большой...»?

«В Карелии в XX веке редко рождались крупные литературные таланты. Дмитрий Гусаров, Дмитрий Балашов, Валентин Устинов – из приезжих. Тем более обидно, что Владимир Морозов так и не стал настоящей поэтической легендой Карелии. А ведь его судьба – такой увлекательный материал для книги. Его лучшие стихи могли бы стать знаковыми для республики. Да и памятник поэту не помешал бы» [3,93] Памятник! А мы все еще о доске...

«ЖИЗНЬ МОЯ – ЭТО ВЕЧНЫЙ ПОИСК...»

Восприятие Владимира Морозова и его творчества моими друзьями-поэтами.

Павлом Шуваловым:

«И – всегдашний упрямец – он
С непокорной волной волос...» (1997).

Александром Веденевым: «Я с детства Ваш читатель...» (1982);

«И белый гусь, гуляя над могилой» (2002):

«И белый гусь, гуляя над могилой,
Повыщиплет забвения траву <...>
И вот лицо, знакомое до боли,
Яснеет, словно в памяти строфа
О жизни той, рожденной не любовью,
Но смертью честных,
как сказал он сам» [6,69-70]

И описание места упокоения этого общего для всех нас старшего, во всех смыслах, товарища по поэзии.

Петр Костюкевич:

Потускнела бронза на буквах,
Над могилой взметнулась ель <... >
У оградки на солнце ромашки
Распустили свои лепестки,
Будто снова ты в белой рубашке
Пишешь искренние стихи <...>

И уже навсегда в граните

Ты кудрявый и молодой...» [14,35]

А. Веденеев: «Оставленное нежное перо – классическое! – светит в изголовье» (2002).

В конце марта с.г. (2012) я съездил-сходил и на сулажгорское кладбище, о котором мне давно говорил мой сотоварищ по устиновскому литу и поэт Павел Шувалов, часто посещающий морозовскую и иные писательские могилы. Здесь (конец дня) было безлюдно, но телефонно-сотовые «указки» Павла и огромный указатель на толстенной сосне внутри (прежде, помню, была такая же стрелка и у главной подъездной дороге, при отворотке вовнутрь участка) быстро привели меня к ограде, за которой высилось каменное надгробие, с которого барельеф поэта смотрел – не на уже пришедшего, а на приходяще-уходящих. Или это он обернулся вправо, разговаривая со своими отцом и матерью, которые, судя по надписям на соседних плитах, лежали рядом с сыном?

И легкий предвечерний свет наискось пересекали крупные мохнатые снежинки, а из-под затвердевшей от недавних оттепелей синей корки наста просвечивали лежащие на самой его могиле красные цветы. От февральско-прощальных приходов гостей? Июльских гостей и цветов будет много больше? Между прочим, надпись на его надгробной плите: «Жизнь моя – это вечный поиск счастья, которое впереди...»

18 апреля 2012

Библиография:

1. Базулева, Т. «Между нами не дни, а годы» / Т. Базулева // Север. – 1999. - № 5. – С. 153-157.
2. Башнин. Ю.Я знаю, что не слов красивых ждешь ты... / Юрий Башнин // Молодежная газета Карелии. – 1999. – 18 февр. (№ 8) – С. 20.
3. Бондаренко, В. Душа безудержного оптимиста : (О стихах и гибели Владимира Морозова) / Владимир Бондаренко // Север. - 2004. - № 11/12. - С. 88-93.
4. Валентик, А. А без веры и знамя – тряпка... / Александр Валентик // ТВР-Панорама. – 2007. – 20 июня (№ 25). – С. 29.
5. Валентик, А. Любовь, проверенная разлукой / Александр Валентик // Морозов, В. Ф. Верность : избранное / Владимир Морозов ; сост. В. Данилов ; авт. предисл. А. Валентик. - Петрозаводск : Карелия, 1997. – С. 3-10.

6. Веденеев, А. П. Посвящения поэту Владимиру Морозову / Александр Веденеев // Листья и лица : стихотворения и поэмы / Александр Веденеев. - Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2006. – С. 69-70.
7. Веденеев, А. П. ЦДЛ, 1984 / Александр Веденеев // "И охотник вернулся с холмов..." : рассказы и повесть / Александр Веденеев. - Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2009. – С. 85-94.
8. Волункова, Е. Улица обрела имя / Евгения Волункова // Карельская губерния. – 2010. – 24-30 нояб. (№ 47). – С. 3.
9. Гин, И. Его ровесники стихи : [о карельском поэте В. Морозове] / И. Гин // Лицей. - 1993. - № 5. – С. 14.
10. Гин, И. Стихи о настоящем : (к 50-летию Владимира Морозова) / Иосиф Гин // Север. - 1982. - N 7. - С. 92-94 : портр.
11. Грачев, А. «В любви клянутся те, кому не верят» / А. Грачев // Север. – 1997. - № 10. – С. 151-152. – Рец. на кн.: Морозов, В. Ф. Верность : избранное / Владимир Морозов ; сост. В. Данилов ; авт. предисл. А. Валентик. - Петрозаводск : Карелия, 1997. – 159 с.
12. Здесь с 1978 года по 1980 год работал выдающийся русский писатель, историк Дмитрий Михайлович Балашов : памяти писателя // Карелия. – 2001. - 18 окт. (№ 116). – С. 19
13. Иванов, В. Клянутся те, кому не верят : о двух поэтах / Всеволод Иванов // Север. – 1992. - № 1. – С. 137-139.
14. Костюкевич, П. Памяти Владимира Морозова : [стихи] / Петр Костюкевич // Кондопожские зори : стихи местных авторов / [сост. и предисл. И. Костина]. - Кондопога : [б.и.], 1991. – С. 35.
15. Мишин, О. Поэты / Олег Мишин // На российском ветру : стихи и поэмы / Олег Мишин ; ред. И. Проклина. - Петрозаводск : Verso, 2000 - С. 115-129.
16. Николаева, Е. М. И снова о Морозове // Линия судьбы / Елена Николаева. - Петрозаводск : Издательство Владимира Ларионова, 2001. – С. 24.
17. Попова, А. Вторая половина поэта / Анна Попова // Карелия. – 2001. – 16 июня (№ 65). – С. 11.
18. Рождественский, Р. Владимир Морозов / Роберт Рождественский // День поэзии Севера. 1967. - Петрозаводск, 1968. - С. 221-222.
19. Сидоркин, В. Вспоминая Владимира Морозова : сразу два вечера, посвященный 75-летию ... поэта Владимира Морозова, прошел в Национальной библиотеке РК / Валерий Сидоркин // Карелия. - 2007. - 19 июля. - С. 6.

- 20.** Сильченко, А. Ресторан «Долгое эхо» / Анникки Сильченко // Мой Петрозаводск. – 2012. – 16 апр. (№ 13). – С. 20.
- 21.** Судаков, В. Ни книги, ни памятной доски, ни премии ... : память [о карельском писателе В. Ф. Морозове] / Владимир Судаков // Карелия. - 2009. - 5 февр. - С. 19.
- 22.** Судаков, В. Хочу из Ладоги напиться, или Северолодожская мера поэзии : [интервью с поэтом Робертом Ивановичем Виноненом / записал Владимир Судаков] // Север. - 2008. - N 1/2. - С. 208-213.
- 23.** Сысойков, М. П. Костер / Михаил Павлович Сысойков // Сысойков, М. П. Научи свое сердце добру : стихи / Михаил Сысойков ; ред. О. Мишин ; Худож. А. Кузьмин. - Петрозаводск : Карелия, 1992. – С 133-134.